

ЭТАТИЗАЦИЯ НАУКИ: СОВЕТСКИЙ ОПЫТ

В.П. МАКАРЕНКО,

*Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
академик Академии педагогических наук Украины,
доктор политических и философских наук, профессор,
заведующий кафедрой политической теории Южного федерального университета*

В России на протяжении XX в. не конституировалось научное сообщество, обладающее своими ценностями, механизмами самоорганизации и политической самостоятельностью. Приоритеты научной политики по-прежнему определяются закулисным взаимодействием государственной и научной бюрократии. Поэтому недоверие общества к институтам государственной власти распространяется и на науку (см.: [24]). Одновременно Россия отстает от США в 10 раз по вкладу в мировую науку (3,7% и 37%), а в сфере социальных наук почти в 15 раз (3,41% и 49,93%); по показателю цитируемости Россия занимает 35 место в мире, отставая даже от Польши и Чехии – в 2 раза, от Словакии на 0,2%. Самая низкая доля цитируемости приходится на российскую социологию, хотя она является первой по числу опубликованных работ (см.: [12]). Как объяснить это явление?

Широко бытует взгляд: перестройка поставила науку в России и в СНГ в тяжелое положение. Капитальный труд петербургских ученых позволяет иначе подойти к вопросу: современная российская наука – следствие связи науки с советским государством и противоборства различных социально-политических систем XX в. Для доказательства авторы проанализировали фундаментальные проблемы: наука между коммунизмом, национализмом и либерализмом; вторая мировая война и наука; наука и холодная война. Детально описали связь государства и науки в СССР, Германии, США, Японии, Китае на протяжении XX в. Я рассмотрю только некоторые факты и тенденции истории науки и власти в СССР, проясняющие авторскую концепцию.

Комплекс «служения государству»

Э.И. Колчинский размещает социально-политические системы XX в. на шкале «коммунизм-национализм-либерализм». Описывает социальную историю советской науки на основе сочетания хронологического и проблемно-содержательного принципа. Вначале прореферирую темы: наука и гражданская война в России; советизация науки в годы НЭПа; «культурная революция» и становление советской науки.

Наука и гражданская война. 18 ноября 1917г. состоялось экстраординарное заседание Общего собрания РАН. Президент А.П. Карпинский предложил протестовать против узурпации власти большевиками, «чтобы РАН не молчала в такое исключительное время». Гуманитарии поддержали президента. Математики и естественники Петербурга и Москвы были готовы сотрудничать. Первыми поверили обещанию большевиков опираться на науку. Провинциальные ученые тоже ждали большевиков из-за дискриминации русского населения в Закавказье, Украине и Поволжье.

Стало быть, первая реакция РАН на Октябрьскую революцию – раскол ученых на естественников и гуманитариев. До революции РАН была самым консервативным учреждением из-за связи с царским двором и правительством. По сравнению с вузами она меньше сопротивлялась власти большевиков. Позиция большинства академиков была межеумочной: идеологию большевиков не признавать; включиться в работу по экономическому и культурному развитию России.

Попробуй не включись, если большевики национализировали банки! Денежная зависимость от власти – решающий фактор ее признания учеными. Уже в начале 1918 г. РАН пошла на сотрудничество с советским режимом. Традиционное «служение народу» ученые обменяли на комплекс служения государству: «Новый комплекс одних вел к непримиримой борьбе с большевиками как узурпаторами и разрушителями Российской империи, а других, напротив, к сотрудничеству с ними как силой, призванной обеспечить ее целостность, хотя и в новых социально-политических реалиях» [17, с. 370]. Больше всех были готовы служить большевикам правые и черносотенцы, оправдывая это российской национальной идеей¹.

На деле сотрудничество с большевиками не определялось идеологическими вкусами. Перед учеными встала перспектива голодной смерти. Накануне февраля 1917 г. либералы спровоцировали продовольственные затруднения в Петрограде. В марте 1918 г. советское правительство переехало в Москву. Вначале превратило голод в средство управления старой и новой столицей, а затем всей страной. РАН оставалась в Петрограде. Имела высокий международный авторитет. Большевики хотели его использовать. В обмен на возможность не подохнуть с голода сфабриковали первый комплекс правил советской науки: разрабатывать марксистскую экономику – народнохозяйственное планирование; быть ближе к производству; исследования проводить коллективно; подчиниться государственной централизации и управлению наукой. Ученые тоже знали: никакая власть не кормит заумных чудаков. Поэтому лучшая защита от власти – демонстрация плодов просвещения и науки.

Однако ничего специфически-советского в этом комплексе не было. В.И. Ленин и его секретарь Н.П. Горбунов – типичные технократы. Хотели иметь ученых под рукой, но не в руководстве. Консультироваться с ними по прикладным проблемам. Ученые приняли советское правительство как данность. Стали писать туда челобитные (жалобы, предложения). Обивать пороги нового начальства. Некоторые осмеливались на критику. Большевики оперативно реагировали на проекты по военному и полицейскому делу. Поэтому особенно рьяно сотрудничали с ними бывшие военные и полицейские консультанты царского правительства. Таково первое и главное общее свойство царской и советской науки.

Но оно тоже не было специфически российским. Первая мировая война расколола мир на два лагеря. Наука становилась орудием международной политики. Советская власть стремилась укрепить свое положение любыми средствами. В том числе поддержкой со стороны российских ученых и левой интеллигенции Запада. И созданием научных учреждений по типу дореволюционной КЕПС: АН отделялась от вузов; ее учреждения подчинялись НТО ВСНХ или наркоматам; занимались прикладной наукой; нацеливались на новые области исследования, создание новых образцов техники и технологий. К тому же «...всякая революция открывает возможность быстрой карьеры и реализации социальных претензий тем социальным группам, представителям которых предшествующий строй препятствовал в этом» [17, с. 409].

Отождествление интересов государя и государства – общая традиция русской политической мысли и практики, в которой до сих пор проведение различия между правительством и государством представляет сложную политическую и теоретическую проблему. Наука в России всегда была государевым делом. Новая власть по старинке принудила ученых подстраиваться под ее интересы. А ученые давно привыкли жертвовать профессиональными интересами ради ассигнований. Теперь они включались в советскую работу в надежде реализовать свои замыслы: «Сотрудничество с правительством, именуемым первоначально бандой насильников, объяснялось национальными интересами и необходимостью сохранить науку» [17, с. 384].

Затем большевики начали «реформу» науки и высшего образования. Советизация науки шла под прикрытием демократизации (свобода и независимость от власти, самоуправление ученых). В марте 1919 г. объединили гуманитарные и юридические факультеты под названием «факультеты общественных наук» (ФОН). Во главе поставили просоветскую

¹ Модный ныне В. Розанов заверял новую власть в покорности взамен за пропитание, хлеб, тепло, защиту.

профессуру. Спустя два года из Петроградского университета изгнали всех гуманитариев. Ликвидировали остатки автономии высшей школы.

Во время гражданской войны на территории бывшей Российской империи образовалось несколько центров власти. Каждое местное правительство считало престижным иметь свой университет, а то и академию. Красные, белые, националисты создали более 20 новых университетов. А ученые использовали стремление враждующих сторон привлечь на свою сторону интеллигенцию, «с равным успехом добиваясь поддержки и от советской власти, и от ее противников» [17, с. 397]². Число вузов в 1922/23 уч.году достигло 248. Новая власть не торопилась их разгонять. Использовала количественный рост вузов для доказательства благих намерений обеспечить доступ трудящихся к знаниям и развивать науку. Ученые сами стремились централизовать науку для защиты от произвола местных властей.

Социальная история и действующие лица российской/советской науки оцениваются большинством авторов негативно. Для полемики с этой тенденцией Э.И. Колчинский рассматривает рост научных учреждений во время гражданской войны как способ выживания ученых. Цифры учреждений и научных работников не отражают положение дел: старые научные организации переименовывались, а учитывались как новые; планы и программы новых учреждений никогда не выполнялись; при распределении продуктовых карточек руководители вузов в 2–3 раза преувеличивали штаты; одна группа ученых обычно числилась сотрудниками и получала карточки в нескольких учреждениях; отмена научных степеней вела к тому, что многие ученые ради пайка создавали научные учреждения из родственников; для приманки новая власть подогревала амбиции и тщеславие старых ученых, а также жажду неучей стать научными работниками.

Многие ученые были расстреляны, покончили с собой, умерли. Власть принуждала к лояльности. После взятия Крыма от сотрудников и студентов Таврического университета требовали высказать отношение к красному террору. Большинство профессуры считало это печальной необходимостью. Студенты отвечали: Собака – собачья смерть: «Так закладывались основы поведения и психологии советских ученых» [17, с. 438].

Таким образом, гражданская война научила ученых хлебать сразу из любых кормушек. Ученые дошли с голоду. РАН находилась в Петрограде. Москва из кожи вон лезла для повышения категории своих научных работников. А власть использовала борьбу ученых за выживание для выхода из международной изоляции. Первое свидетельство ее заботы – циркуляр, предписывающий представителям партгосорганов участвовать в погребении ученых. Для этого создавалось не особое погребальное бюро, а Центральная Комиссия по Улучшению Быта Ученых (ЦЕКУБУ). Она распределяла пайки. Ученые Москвы и Петрограда первыми удостоились красных похорон и начали грызть за кость. А печать затрубила о заботе власти о науке.

Советизация науки в годы НЭПа изменила дискурс власти и науки. Большевики и ученые верили в науку и технику как средство прогресса. Одновременно власть заставляла ученых формулировать научные задачи на языке марксизма. И пропагандировать достижения советской науки за рубежом. Молодежь получала ускоренное образование через рабфаки, ФОНы, Институты красной профессуры, Комуниверситеты. Поэтому научные дискуссии все более напоминали внутривластную борьбу. Старые ученые (особенно академик С.Ф. Платонов) тоже усваивали новый стиль поведения.

8 июня 1922 г. Политбюро ЦК РКП заслушало доклад зам.председателя ВЧК И.С. Уншлихта «Об антисоветских группировках среди интеллигенции». Была создана комиссия для фильтрации студентов, ограничения приема в вузы лиц непролетарского происхождения, установления политической благонадежности студентов. Это постановление на десятилетия определило надзорно-репрессивную стратегию ГПУ-ОГПУ-НКВД-КГБ: контроль всех научных сообществ, издательской деятельности, общения, переписки. Высылка

² В новых вузах обычно собиралась профессура, не приемлющая советскую власть и жаждущая ее скорого свержения. Например, отношение ученых моего родного Ростовского (бывшего Варшавского и Донского) университета к белому движению выразилось в телеграфном приветствии ректора С.И.Вехова в феврале 1919 г. Большому войсковому кругу.

интеллигенции шла без конкретных обвинений для создания чувства общей вины и запугивания. «Философские пароходы» – часть советизации вузов³.

До революции ученые доказывали необходимость создания НИИ ради свободы выбора тематики. И нашли понимание у большевиков. Теперь наука отделялась от преподавания. Власть ничего не имела и против того, что научное сообщество СССР – часть мировой науки. Требовала усвоить западный опыт в науке, технике, культуре. Это выразило политическую установку на приобретение позитивных знаний как главным условии строительства социализма. Проблема в том, что ликвидация единства науки и преподавания выражала интересы ученых и власти одновременно.

Большевистские вожди становились патронами науки: Троцкий опекал Доброхим, Горбунов – Институт прикладной ботаники Н.И. Вавилова, Луначарский и Семашко – Русское евристическое общество под руководством Н.К.Кольцова, Бухарин – Павлова. Ученые понимали свою зависимость от государственной копейки. Стремилась укрепить личные контакты с партийными лидерами-покровителями, «...умело используя их при решении организационных и административных вопросов. Ученые прекрасно понимали, что без их поддержки трудно добиваться нужных решений в Научно-техническом управлении ВСНХ, Главнауке Наркомпроса, в соответствующих структурах Наркомзема и Наркомздрава» [17, с. 476]. Патронаж типичен для советской науки, хотя не содержал ничего нового. Зато личные связи между учеными и властью способствовали еще большему отождествлению правительства и государства.

В 1920-е гг. наиболее интенсивно обновлялись кадры в биологии, химии, точных науках, медицине, экономике и философии, а самыми стабильными были литературоведение и языковедение. Большинство математиков, естественников и гуманитарных наук находилось в Ленинграде и Москве.

Э.И.Колчинский считает, что нехватка науки при царизме стала спасением для нее после революции. Ученые и власть вступили в брак по расчету. Первые помнили судьбу французской Парижской АН и жестокий опыт всероссийской гражданской войны. Состав академиков за эти годы (по причине смерти, эмиграции, длительных командировок) обновился более чем наполовину. Новые члены АН (математики, физики, химики, биологи) сразу шли на сотрудничество с большевиками. Власть привлекала их к политическим играм. Заставляла подписывать заявления о поддержке своей политики. Демонстрировать единство науки и народа, «...доказывать зарубежным коллегам, что большевики много делают для спасения и развития науки и культуры» [17, с. 483]. Математики и естественники одобряли требование власти реформировать АН с целью стать «ближе к жизни». И без сожаления приняли ликвидацию Отделения русского языка и словесности. Так менялся моральный климат в научном сообществе.

Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 27 июля 1925 г. признавало АН высшим научным учреждением страны. Провозглашало курс на сотрудничество с учеными. Указывало на недопустимость их оценки лишь с точки зрения классового происхождения. Вопросы науки все чаще рассматривались на заседаниях Политбюро, создавались новые органы управления наукой. Так закреплялся союз большевиков и старых спецов.

Первая демонстрация единства науки и советского режима - 200-летний юбилей АН. Власть раскошелилась. Большинство академиков тут же начало петь ей осанну. Приглашенные на юбилей ученые из Франции, Голландии, Германии, Норвегии, Индии, Турции тоже затянули «мно-о-о-гая лета». 14 сентября 1925 г. в Большом театре состоялось торжественное заседание большевистской головки с учеными. Л.Б.Каменев назвал Москву центром земного шара и лабораторией, где куется союз революции и науки. Вещал о сходстве научного эксперимента с социальным экспериментом большевиков. Но характерно, что «простые, дружеские и искренние отношения» русских и

³ На вопрос П.А. Сорокина о причинах высылки Г.Л. Пятаков ответил: в России провалился эксперимент социалистического строительства и идут два процесса: восстановление буржуазного общества и приспособление к этому Советской власти. Первый из них идет быстрее второго и угрожает существованию большевиков: «Наша задача – замедлить развитие первого процесса, а вы и остальные, кого мы высылаете, ускоряете его». Суть происходящего точнее схватил грузчик, подвозивший вещи А.С. Изгоева на пароход: «Всех умных людей – в тюрьму, в Сибирь, за границу... А в России останется одно неученое мужичье, чтобы легче командовать» [17, с. 471].

иностранных ученых с представителями власти установились, «начиная с банкета» [17, с. 497]⁴. Большинство ученых не отказалось выпить и закусить «на халяву». Приняло новый строй как неизбежное зло. А власть потратилась на юбилей для решения своих задач: поднять значение науки как важной области жизни, привить уважение к ее творцам в народе, большинство которого не имело понятия о науке; показать миру, что русская наука выжила в революции и гражданской войне и развивается при поддержке советской власти.

Отгремели речи, закончилось хмельное братание. Сразу после юбилея власть усилила вмешательство во внутреннюю жизнь АН. На ее собрания стали ходить не «гуляки праздные, а крысы приказные». В институтах создавались парторганизации, заслушивались отчеты о деятельности, утверждались планы работ и смета, проводились ревизии. М.Н.Покровский не считал академиков «беспристрастными искателями истины», а требовал участия в социалистическом строительстве. Для ликвидации конкурентов предложил разогнать историко-филологическое отделение, тематика которого совпадала с исследованиями руководимой им Комакадемии.

Разгон потребовал больше времени. 26 мая 1927 г. принято постановление Политбюро: руководство АН выбиралось Общим собранием, но утверждалось СНК. В 1927 г. принят новый Устав АН, который включал три новых положения: приспособление науки к практике; контроль политической лояльности и формы воздействия; расширение прав управляющих органов в отношении прежних привилегий ученых. Устав закреплял положение АН до распада СССР⁵. Главные вопросы деятельности АН решались в ЦК партии.

В 1927–1928 гг. пресса развернула погром АН. Она обвинялась в засоренности аппарата грязными дельцами и бывшими людьми, которые заботятся о своем благополучии, а не о расцвете советской науки, расхищении государственных средств, отрыве науки от практики. «Использованный в политических целях учеными и правительством юбилей и последующие меры правительства по поддержке Академии наук стали теми «объятями» власти, в которых Академия все больше теряла остатки своей автономии» [17, с. 508]⁶.

Накануне «великого перелома» руководители академических учреждений (И.П. Павлов, Н.С. Курнаков, В.И. Вернадский) уже не занимались наукой. Выбивали материально-финансовые ресурсы с помощью риторики о практическом значении науки. Вернадский считал: чем хуже положение страны, тем больше надо финансировать науку – предпосылку развития экономики. Другие отвергали прикладное значение науки. Считали его отвлечением сил и средств от разработки фундаментальных наук⁷.

Таким образом, большевики извлекли максимальную выгоду из авторитета АН. Она уже не защищала свободную мысль. Становилась послушным оружием большевиков. В таком «слиянии» власти и науки последняя ставилась в неравное положение: «Действуя в унисон с властями, академики надеялись, что все плохое позади и их отношения будут положительно развиваться. Ни академики, ни сами руководители партии большевиков и государства, игравшие главную роль в организации и проведении юбилея, еще не предполагали, какая опасность таится в требовании единомыслия и внедряемом господстве единой философской системы» [17, с. 499].

После 1917 г. началось создание коммунистической науки. Число ученых-марксистов в России исчислялось единицами, но марксизм стал государственной идеологией. Власть создавала конторы для пропаганды марксизма, подготовки марксистских кадров. В мае

⁴ Правда, некоторые пронизательные академики считали юбилей потемкинской деревней, завесой из лжи, пропагандистским походом, политической демонстрацией смычки науки с революцией. Осуждали русский обычай пышных празднеств в условиях разрухи и нищеты.

⁵ Впоследствии вице-президент РАН академик В.Н.Кудрявцев описал его так: с одной стороны, АН – научное сообщество, с Уставом, членством и самоуправлением, с другой – министерство фундаментальной науки, подчиненное СМ СССР. Эта дилемма не решена до сих пор.

⁶ Даже подготовленный сборник о 200-летнем юбилее АН не был опубликован.

⁷ А.Е. Ферсман отвергал идею о том, что коллективное творчество может заменить талантливого индивида. В свою очередь А.Н.Крылов доказывал: большинство «ученых учреждений» суть болезненные чужеродные наросты на теле академии, поскольку они не занимаются творческой работой, а валовой текущей работой. Таким конторам в АН не место [17, с. 500–501].

1918 г. группа партийных лидеров организовала Социалистическую академию (после смерти Ленина переименована в Коммунистическую)⁸.

Преподаватели Соцакадемии жили неплохо. Получали хороший паек, комнату, жалование. И должны были сочинять научные тексты (40 страниц за два года...). За все это от них требовалось только материалистическое мировоззрение в философии, науке и общественных вопросах⁹. Соцакадемия стала бурно расти. В 1924 г. было 130, а в 1926 г. – уже 407 человек. В 1919 г. возник Коммунистический университет. Два года спустя – ИКП с отделениями во многих городах. Его студенты тоже имели привилегии. Здесь создавался новый быт, красные специалисты, ортодоксальные партийные науки. Вырабатывались партийные приемы критики, самокритики, чистоты, комментаторства, цитатничества, интегрированные приматом классово-борьбы и марксистской методологии. Это сообщество было однородно и вырабатывало тандем с немарксистским научным сообществом.

Затем выдвинута задача идеологизации естествознания. 11 октября 1923 г. М.Н. Покровский призвал к прямому вмешательству в преподавание математики и естественных наук, которое «прямохонько подводит к идеалистическому пониманию». И сформулировал главную задачу – борьба с буржуазной профессурой в области общественных, точных и естественных наук.

По этой схеме создавались структуры общественных наук. Их главная задача состояла в травле ученых, обвиненных в оппозиции правительству. Для работы по естественнонаучной тематике тоже требовалось «диалектико-материалистическое мировоззрение». И старые члены РАН возглавили идеологизированные естественнонаучные институты¹⁰. Комакадемия готовила перестройку науки на материалистических началах. Предлагала пересмотреть все научные теории. Выявить в них элементы идеализма и материализма. Для реализации этой задачи в Комакадемии создан Институт по изучению высшей нервной деятельности (Институт мозга). Гуманитарные факультеты в университетах закрывались. Их тематика передавалась коммунистическим структурам. От членов этих структур не требовали особые знания. Зато давали академический паек за научную работу – те же 40 страниц за два года. Но и это требование никогда не выполнялось. Поэтому советское обществоведение – следствие вливания партийцев в научное сообщество. Последствия этого следствия тоже ощутимы до сих пор.

Правда, поначалу призыв идеологов к ученым-естественникам сообща заняться методологией естествознания был встречен кисло¹¹. Чтобы поднять авторитет Комакадемии, приглашали известных ученых (В.М. Бехтерева, Н.И. Вавилова, В.Л. Комарова и др.). На лекции и дискуссии по вопросам марксистского естествознания сгоняли красноармейцев по наряду. Вскоре сами естествоиспытатели начали использовать идеологию для доказательства важности своих исследований. Сторонников идеализма искоренили без труда. Но сразу же полыхнула сеча между материалистами – механицистами и диалектиками. Они по-разному понимали взаимодействие философии и науки. И были не прочь использовать поддержку ученых. А ученые нередко сами выдвигали инициативу диалектизации естествознания. Хотели войти в состав Комакадемии ради пайка, институционализировать свои исследования. И потому яростно спорили о марксистской чистоте естественнонаучных теорий. На совместных заседаниях Секции естественных и точных наук Комакадемии стали проводиться дискуссии по вопросам биологии. Они отличались резкими высказываниями в адрес оппонентов. Любой доклад становился поводом для взаимных обвинений в отказе от диамата.

⁸ Правда, историк А.С. Лаппо-Данилевский в июне 1918 г. предложил создать институт социальных наук в составе АН. Этот документ направлен в Соцакадемию, но ее общее собрание отвергло предложение. АН не могла бороться с официальной идеологией путем создания нового института.

⁹ Но недостаток грамотных кадров не позволял выполнять это требование. Если кандидат не соглашался с этим условием, его брали преподавателем, но записывали «нейтральным» или черносотенцем.

¹⁰ Например, цитолог С.С. Навашин в 1924 г. стал руководить Тимирязевским научно-исследовательским институтом изучения и пропаганды естественнонаучных основ диалектического материализма.

¹¹ Так, профессор И.А. Боричевский отрицал связь научного творчества с другими видами общественной деятельности и доказывал: научное познание в конечном счете определяется его внутренней семантикой; философия вообще, а философия Гегеля особенно, повредит науке; общественным дисциплинам еще предстоит войти в стадию научного развития; марксисты не должны вмешиваться в естественнонаучные споры.

Началась политизация биологических дискуссий. В них участвовали биологи и философы, получившие образование через рабфаки, ИКП и комвузы. Они имели опыт гражданской войны, студенческих и партийных чисток. Использовали политические аргументы, вносили в дискуссии дух непримиримости. Обвиняли оппонентов в витализме, мистицизме, идеализме, телеологии¹². Такое развитие событий соответствовало лозунгу Троцкого и Ленина о союзе «воинствующего материализма» и естествознания¹³.

Власть финансировала многочисленные зарубежные вояжи Вавилова. Тот искал материал для обещанного им быстрого выведения высокоурожайных сортов культурных растений. Евгений М.В. Волоцкой предлагал насильственно (вплоть до стерилизации) предотвратить размножение людей с нежелательными генами для улучшения качества популяции и быстрого построения социализма. Риторика о практическом значении своих взглядов для строительства нового мира становилась обычной.

Идеологические дискуссии завершались оргвыводами и кадровыми перестановками. Идейной формой прикрывали карьеризм. Поэтому трудно установить подлинные мотивы действий отдельных лиц. «При отсутствии ясных представлений о диалектической методологии каждый мог объявлять близкие ему теории и концепции соответствующими марксизму, а взгляды оппонентов и конкурентов антимарксистскими. В ходе дискуссий нередко менялись взгляды того или иного ученого, но каждый раз заявлялось, что они базируются на марксизме... Идеологизация и диалектизация естествознания наиболее сильно проявилась в биологии, чем в значительной степени были предопределены последующие трагические события 1930–1950-х гг.» [17, с. 525].

Точные науки тоже культивировали почву для диалектизации. Большинство российских физиков не соглашались с А.Эйнштейном. Использовали диамат для прикрытия приверженности к классическим воззрениям. Обвиняли создателей современной физики в мистицизме, идеализме, агностицизме, индетерминизме, акауализме¹⁴. Правда, не все лидеры Комакадемии расширяли ее компетенцию за пределы общественных наук¹⁵. Зато в гуманитарных науках возникали вожжи, занимавшие много постов сразу (М.Н. Покровский в истории, А.М. Деборин в философии, Н.Я. Марр в языкознании и пр.). В целом противопоставление АН и Комакадемии предвещало кризис главного научного центра СССР.

К концу НЭПа складывался симбиоз науки и власти¹⁶. Ученые научились говорить с властью на понятном для нее языке, используя любые внешние факторы в пользу науки. В том числе большевистские лозунги: «наука служит народу», «наука – главная сила общественного прогресса», «практичность науки» и пр. Э.И. Колчинский считает, что советская и нацистская политика в области науки идентичны. Российские и немецкие ученые считали науку способом служения государству. Но в Германии неарийцев выгоняли с работы. В России в годы нэпа практически все крупные математики и естественники продолжали научную деятельность и руководили научными учреждениями. Ученые полагали, что наука сама по себе является важнейшей целью бытия человека. Верили, что научная деятельность

¹² На климат дискуссий повлияли немцы М.Л. Левин и Ю. Шаксель – биологи-марксисты, эмигрировавшие в СССР.

¹³ Правда, Ленин к тому времени помер. Троцкий поддерживал психоанализ, считая его естественнонаучной основой марксизма в деле разрушения морали прежнего общества. После высылки Троцкого психоанализ подвергли критике и запрету. Таковы следствия союза воинствующего материализма и естествознания.

¹⁴ Здесь они уподоблялись немецким физикам Ф. Ленарду и Й. Штарку, которые отвергали теорию относительности за проявление в ней «неарийского», «азиатского духа».

¹⁵ Грамотный марксист Д.Б. Рязанов считал: нет нужды искать обоснование исторического материализма в поведении собак.

¹⁶ После революции почти четверть ученого и профессорско-преподавательского корпуса покинула Россию и обосновалась за рубежом. Русских ученых встречали плохо, видели в них конкурентов, заставляли перерабатывать курсы на местных примерах, принуждали к провинциализму. Уровень американских студентов был намного ниже русских и западноевропейских. После опыта жизни на Западе русские ученые пришли к выводу: демократия не благоприятствует развитию наук и искусств, деспотия лучше. Отмечали незавидное положение американской профессуры, вынужденной жить на жалованье и тратить все время на шаблонное преподавание. В эмиграции создан союз академических организаций для поддержки русского научного зарубежья и подготовки научных кадров для постбольшевистской России. Лидеры зарубежного академического движения называли ученых СССР «согласителями». Оставшиеся в России ученые называли русскую эмиграцию «смесью чванства, мстительности и безумия». Но вклад русской эмиграции в мировую науку (особенно в развитие технических и естественных наук) детально не изучен. Его ограничивают гуманитарными науками, социологией и экономикой. Такая оценка субъективна, поскольку не подкреплена наукометрическими данными [17, с. 544].

неизбежно преобразит коммунистический режим: «Со временем многие из них усматривали уже в большевиках некую внутреннюю связь с русским народом» [17, с. 546].

В эти годы сложились академическая, вузовская, отраслевая и коммунистическая наука. АН состояла из 42 научных учреждений, включая 8 институтов. Все гуманитарные общества были упразднены, а научные и научно-технические общества оставались негосударственными. Поддержка АН, поездки ученых за границу, приглашение иностранных ученых считались важными для престижа СССР. Ученые сотрудничали с властью по причине зависимости от финансирования с опорой на накопленный опыт взаимодействия. Использовали социально-политическую и идеологическую обстановку для исследований, обеспечивающих лидерство во многих отраслях науки.

Однако в годы нэпа ученые оставались в подвешенном состоянии. По сравнению с остальным населением они жили неплохо¹⁷. Но были вынуждены терпеть уплотнение квартир, подозрительное отношение правительственных контор, критику студентов – выходцев из пролетариев.

«Культурная революция» институционализовала советскую науку. Складывающаяся ранее система взаимного своекорыстия власти и науки рухнула. Борьба альтернативных представлений о месте науки в социалистическом обществе закончилась победой идеологии над наукой. Власть стремилась добиться безоговорочного подчинения. Э.И. Колчинский трактует этот процесс как воплощение вечных антиавторитарных и иконоборческих инстинктов (которым был придан характер борьбы с классовым врагом) младших по рангу против старших: «Этим естественная борьба поколений приобрела жестко-агрессивный, дезорганизуемый характер, стимулировала примитивные нападки под флагом классовой ненависти, что для многих ученых стало причиной многих личных и профессиональных трагедий» [17, с. 577].

Жесткий контроль власти над наукой – следствие субъективных и объективных причин: в начале культурной революции ключевые посты в Комакадемии заняли сторонники Деборина; они считали гегелевскую диалектику, труды Маркса-Энгельса мировоззренческой основой естествознания; стремились подчинить науку идеологическому диктату; эта тенденция развивалась на фоне соперничества новых научно-правительственных контор Москвы с традиционными школами и институтами Ленинграда; партаппарат стремился лишить АН статуса высшего научного учреждения; воздействовать на выборы новых бессмертных, поскольку раньше путь в академики был закрыт ученым-коммунистам и представителям технических наук.

Большевики начали муссировать клише об «отставании науки от развития промышленности». Ученые объясняли это мнимое отставание спецификой научного творчества, независимостью от влияния внешних факторов, внеклассовым характером науки. В ответ Комакадемия усилила контроль. По инициативе группы ученых-москвичей в 1928 г. созданы Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНТСО) и Общество воинствующих материалистов-диалектиков (ОВМД). В учредителях состояли Деборин, Гессен, Левит¹⁸ и пр. Для членства не требовались ни диплом, ни научные труды. Общества направлялись на борьбу со старой профессурой.

Сменили также руководителей науки в разных ведомствах – назначили людей, не имевших связей с ученым сообществом. Поощрение контактов с зарубежной наукой сменилось квалификацией науки как «орудия в борьбе с капиталистическим миром». На выезжающих за границу ученых возлагалась функция шпиона: выявлять секреты капиталистической и скрывать секреты пролетарской науки. Связи с зарубежными учеными стали подозрительными. А система информации о состоянии науки за рубежом включала идеологему: возвышать свои и культивировать вражду к чужим ценностям.

¹⁷ Имели свои санатории, комиссии помощи, секции научных работников. При работе в 2–3 местах ученый получал 200–350 руб. в месяц, тогда как сельский учитель – 30 рублей, а рабочий – 55.

¹⁸ С.Г. Левит уже в 1924 г. создал в 1-м МГУ кружок врачей-материалистов, который затем был преобразован в Общество биологов-материалистов. При этом члены ОВМД читали лекции о достижениях Мичурина в клубе народов Востока, о дарвинизме – в клубе ГПУ, об условных рефлексах – в клубах трудящихся. Докладчики искали аудиторию, неспособную возразить лектору.

Ключевое место в советизации науки заняла большевизация АН. На рубеже 1920–1930-х гг. АН превратилась в империю знаний – неотъемлемую часть бюрократии. Со ссылкой на Л. Грэхема Э.И. Колчинский отмечает, что Сталин выбрал АН как модель организации советской науки по двум причинам: научного авторитета и высокого профессионализма исследований в области естествознания, качество которых было намного выше работ марксистских учреждений; АН строилась по принципу иерархии, легко контролировалась и отвечала задаче воссоздания Российской империи в советских формах.

Власть захотела провести в члены АН свои креатуры – коммунистов А.М. Деборина, Н.М. Лукина, В.М. Фриче. Некоторые ученые воспротивились. Выступали против увязки деятельности АН с народнохозяйственными планами¹⁹. Предостерегали коллег от нарушения Устава в стремлении угодить властям. Предупреждали: коммунисты идут в Академию для контроля и руководства. И все же большевики добились своего, используя свойства научной среды (разногласия, конфликты, амбиции, трусость, зависть, карьеризм, беспринципность). После выбора навязанных академиков (13 февраля 1929 г.) Сталин заявил: теперь с Академией можно делать все, что угодно: «Выборы деморализовали академическое сообщество. Естественники не горели желанием страдать из-за своих коллег-гуманитариев, по отделению которых и шли проваленные кандидатуры» [17, с. 592–593].

После прихода членов партии в руководство АН начались чистки, увольнения, аресты. Совершена расправа над Отделением гуманитарных наук, 80% которого пошли по этапу. В 1931 г. впервые в истории АН общее собрание прошло в Москве, а не Ленинграде. Тогда же сложилась традиция избирать почетными членами АН старых революционеров и партийно-государственных деятелей.

Реорганизация науки и внедрение коллективистских форм работы становилось важным государственным делом. Теперь маститые ученые направляли работу целых коллективов. А рядовые сотрудники были вынуждены выполнять чужие замыслы. За годы культурной революции общее число сотрудников АН удвоилось и достигло 2236 чел. в 1932 г. Однако рост численности научных учреждений не подкреплялся кадрами. В науку пошли бездари. Кадры подбирались по благонадежности, а не по таланту и знаниям.

Академическая, отраслевая и вузовская наука отражали одну и ту же тенденцию монополизации науки, концентрации всех властных структур в одних руках. Пример подавало новое коммунистическое начальство с опорой на ученых-естественников²⁰. Параллельно облегчался прием в аспирантуру выходцам из трудящихся. Их знания оценивались по заниженной шкале требований. Такие аспиранты становились социальной опорой режима: «Иницилируемая ими «культурная революция» как «классовая борьба» была прежде всего борьбой маргиналов в науке за повышение своего статуса, против совершаемой якобы в отношении их «дискриминации»... Им импонировала идея коллективных научных исследований, где можно было собственную бесплодность спрятать под флагом коллективного труда... За участие в борьбе с буржуазными специалистами им обещали быструю карьеру и освобождаемые места» (с.604). Они не получали теоретических знаний, т.к. самой важной считалась партработа на предприятиях, участие в бригадах по обследованию научных и учебных заведений. Партийцы занимали места учителей, третировали профессоров и студентов. Тогда же сложилась практика: научные руководители начали писать дипломные работы партийцам-начальникам. В красную профессию пошли партийные функционеры. Московские физики отвергали новые отрасли физики и способствовали расцвету в столице небывалого провинциального обскурантизма.

Усиление коммунистического сектора науки выразилось в том, что Комакадемия провозглашалась центральным учреждением культурной революции в науке, а марксистская

¹⁹ А.Н. Крылов писал: Академия роет себе могилу «...благодаря всем этим расплодившимся как клопы и присосавшимся к телу Академии наук как клещи КЕПСам» [17, с. 588]. Сходной была позиция И.П. Павлова, И.П. Бородинна, Б.Я. Владимирцева и др.

²⁰ М.Н. Покровский одновременно был замнаркомпросом, руководил Комакадемией, ИКП, Обществом историков-марксистов, Централхивом, редакциями нескольких журналов, Экспертной комиссией по присуждению премий имени В.И. Ленина и т.п. Н.Я. Марр занимал ряд постов. Открывали новые учреждения и создавали научные империи И.П. Павлова, В.И. Вернадского, А.Ф. Иоффе, С.И. Вавилова, Д.С. Рождественского и пр. Их ученики прилагали большие усилия для пропаганды своего гуру и воспитания пиетета перед ним.

философия – верховным судьей в области естествознания. Но принципом построения «диалектического естествознания» Деборин считал свои философские взгляды. Другие ученые доказывали: только разделяемые ими естественнонаучные концепции полезны диамату. Так идеология начала проникать в естествознание.

Были проведены Всесоюзные съезды по генетике, зоологии, ботанике, физиологии, охране окружающей среды. Они показали: большинство ученых уже готово шагнуть «в авангарде мировой науки» по партийным директивам. Например, на 1-м Всесоюзном съезде по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству генетика квалифицировалась как наука, «уже творящая чудеса в краткие сроки и способная передать свои достижения на поля». Вавилов уподоблял генетика создателю и говорил: генетик «должен действовать как инженер, он не только обязан изучать строительный материал, но он может и должен строить новые виды живых организмов»²¹. А.С.Серебровский предлагал создать социалистическую евгенику: «Суть ее заключалась в увеличении потомков с желательными признаками путем искусственного оплодотворения женщин спермой, взятой от талантливых и ценных мужчин» [17, с. 613–614]. На съезде произошел поворот советской генетики к политике, породивший множество будущих коллизий.

«На теоретическом фронте» шли ожесточенные дискуссии. С санкции Сталина М.Б. Митин и П.Ф. Юдин свергли Деборина. Прежнее философское начальство сменили еще более агрессивные диалектизаторы. Диалектизация естествознания способствовала отождествлению философии и политики и переносу политических лозунгов в область естествознания. Отныне союз философии и естествознания трактовался как идейно-методологическая гегемония диалектического материализма.

Самой восприимчивой к влиянию политики и идеологии оказалась биология. Большинство биологов жило в Ленинграде. Ведущая роль в диалектизации физики и математики принадлежала Москве. Столичные математики первыми начали писать верноподданнические «декларации», «заявления», «осуждения», «приветствия». Этот почин поддержан представителями других дисциплин в СССР²².

На основе анализа социальной истории советской биологии, физики и математики Э.И.Колчинский формулирует общие выводы об отношении науки, идеологии и власти в СССР: вместо борьбы с буржуазной наукой советские ученые конкурировали за руководящие посты, покровительство партийной элиты, финансы и влияние; генетики (будущие борцы с лысенкоизмом) первыми использовали марксизм для осуждения научных противников; сокрушение традиционных научных школ; приход к руководству на каждом этапе борьбы все более агрессивных групп; усиление идеологического давления на ученых; самая жестокая конкуренция среди тех ученых, кто сотрудничал с властью. В целом диалектизация отраслей естествознания определялась соотношением возрастных групп в науке, их авторитетом и включенностью в политическую структуру общества.

Тенденции изоляционизма и ксенофобии раньше всех началась в истории. Школа Покровского обвиняла русских историков (С.М. Соловьева, В.О.Ключевского) в рассмотрении всей русской истории с московской колокольни и великорусском шовинизме. ХУ1 съезд ВКП(б) поддержал Покровского. Началась кампания по искоренению «зоологического национализма московских лабазников», апологии «единой и неделимой России» и русской колониальной политики.

На рубеже 1920–1930-х гг. прошла вторая волна репрессий. ОГПУ фабриковало «союзы научных работников», якобы созданных для «контрреволюционной пропаганды и агитации», дискредитации вождей ВКП(б), мероприятий советской власти, подготовки терактов, шпионажа и пр. Летом 1932 г. начались новые репрессии и ликвидация марксистских учреждений и обществ, возникших в период «культурной революции». Цель всех процессов одна – запугать ученых для безоговорочной покорности властям.

Однако «культурная революция» закончилась крахом. Только в 1929–30 гг. открыто более 30 мединститутов без кадров, оборудования, студентов. И.П.Павлов писал: «В России

²¹ Он причислил Генетико-селекционный институт в Одессе (там уже работал Т.Д. Лысенко) к учреждениям, которые «идут впереди научных организаций всего мира».

²² Спустя непродолжительное время немецкие ученые с таким же энтузиазмом приветствовали нацизм.

начался парад неучей!.. Без людей с чувством собственного достоинства и долга всякое государство обречено на гибель изнутри, несмотря ни на какие Днепрострои и Волховстрои» [17, с. 653]. Главный итог «культурной революции» состоял в том, что преданные большевики пускали на ветер громадные материально-финансовые вложения, сводили на нет труд многотысячных коллективов. Однако идеологизация и политизация науки продолжалась. Обострялась внутринаучная конкуренция. Борьба идей приобретала политический оттенок. Властные структуры привлекались для разрешения внутринаучных конфликтов, не имевших ничего общего с научными спорами: «То, что происходило в те годы, готовилось и воплощалось в жизнь при самом активном участии интеллектуалов, которые, испытывая отвращение к религиозной культуре, предпочитали ей светскую, даже большевистскую культуру... Неистовое желание добиться своих целей обуславливало их компромисс с властями» [17, с. 664].

Промежуточные выводы и сентенции космиста

Накопленный коллегами материал может рассматриваться с разных позиций – историкографии, социологии науки, политологии, методологии гуманитарного знания и т.д. В любом случае социальная история становления советской науки дает основание для однозначного вывода: в русской революции совершенно определенно проявилась техно-якобинская тенденция взаимосвязи науки и власти. Она существует до сих пор. Приведу лишь один пример: только в 2000 г. ВЦИОМ зарегистрировал феноменальный факт общественного сознания – интересы отдельных граждан самими этими гражданами были признаны более важными, чем интересы государства (в соотношении 46% против 40% по репрезентативной национальной выборке) (см.: [5, с. 630]). Все параметры существования российского общества до и после 1917 г. перетягивали социологические весы в противоположную сторону. И наука (прежде всего естествознание) здесь остается куда больше пудовой гири.

Кратко напомним ее франко-российские (техно-якобинские) константы: правые и черносотенные элементы всегда охотно сотрудничают с любой властью, лишь бы она воспроизводила тождество правительства и государства, а также приоритет государства над обществом; правые и черносотенцы обычно сосредоточены в военно-полицейских структурах, сотрудничество с которыми характерно прежде всего для математиков и естественников; в периоды социальных потрясений ученые пренебрегают профессиональными интересами ради выживания и создают учебные и научные учреждения, не брезгуя зачислять в них родственников. Между тем науковедческие исследования распределения доли талантливых людей среди разных групп населения показали: эта доля примерно одинакова и не зависит от социального и профессионального статуса предков. А поскольку научное сообщество воспроизводит кровно-родственные связи в своей среде, оно само способствует собственной деградации. Феномены политической благонадежности, патронажа и политической риторики косвенно обслуживают эти связи.

В чем же тогда российская специфика указанных процессов? Э.И. Колчинский описал цепь социально-психологических феноменов в отношениях между наукой и советской властью в период ее становления: «грызня за кость – общая вера ученых и власти в науку как средство прогресса – эта вера связывает науку и власть – брак по расчёту – комменсализм (совместное поглощение еды и питья за банкетными столами)²³ – симбиоз науки и власти». Но Э.И. Колчинский трактует этот процесс как обмен одного комплекса (служения народу) на другой (служения государству) при господстве комплекса Эдипа (извечные антиавторитарные и иконоборческие установки молодого поколения). В этом случае социально-исторические процессы более-менее подгоняются под фрейдистскую концепцию. Между тем возможно другое объяснение комплекса служения государству. Р. Хелли

²³ Между прочим, М.Вебер и множество этнографов показали, что комменсализм – признак традиционного общества. А мой личный опыт участия в кавказских и научных застольях позволяет согласиться с Вебером.

показал, что сложившиеся в России XV–XVII вв. отношения холопства – частный случай универсального феномена рабства, который был воспроизведен в социальной истории СССР среди слоя государственных служащих (см.: [22]). Научная среда в целом воспроизводит типичные свойства холопов (разногласия, конфликты, карьеризм, трусость, личные амбиции, зависть, беспринципность и пр.). Но в период установления новой власти эти свойства переплетаются с борьбой за лидерство в научных дисциплинах. И вполне могут показаться «объективными» характеристиками науки.

Короче говоря, ученые-естественники – первые и главные государственные холопы. Они готовы принять любую власть и идеологию ради пайка, приверженности к старым теориям, институционализации своих исследований. Поэтому моя жена называет большинство нынешнего российского научного сообщества «злыми побирешками». А зафиксированный симбиоз науки и советской власти можно рассматривать как светское издание традиционной для России симфонии церкви и власти, поскольку то и другое (симфония и симбиоз) обосновывают холопство в сфере мировоззрения.

Стало быть, причины воспроизводства комплекса «служения государству» сложнее фрейдовского толкования. Ученый (особенно русский) всегда стоит перед выбором: быть или не быть холопом? Показательным примером ситуации выбора может служить поведение В.И.Вернадского. Оно детально описано в книге. Я расставляю акценты.

Так, сразу после революции он считал причиной революции тысячелетнее разобщение русского народа и власти. Одновременно полагая, что наука всегда «служила народу». В этом случае сциентистские установки переплетались с традиционным народничеством и идеологией «Вех».

При организации Украинской АН В.И. Вернадский полагал, что на Украине зарождается ячейка научной организации всей Восточной Европы, включая славянские территории в Германии и Австро-Венгрии. Тем самым он повторял зады русского, польского и украинского славянофильства (см.: [19]).

При переходе к НЭПу Вернадский заговорил об укреплении власти ради создания условий для развития науки. Надеался, что большевики обеспечат территориальную целостность страны: «Я думаю, интересы и спасение России сейчас в победе большевиков на Западе и в Азии» [17, с. 442]. Теперь он называл народ пьяными свиньями, невежественными, дикими, пьяными каннибалами, ленивыми, невежественными животными, которых обуздать можно только жесточайшим насилием. В этих суждениях нетрудно обнаружить влияние Л.Д. Троцкого, З. Гиппиус, Д. Мережковского и евразийцев.

В.И. Вернадский характеризовал послереволюционное общество как «смесь всех отрицательных сторон капитализма (спекуляция, хищничество, шакализм, контрасты голода и роскоши и т.п.) без его положительных организационно-производственных функций и всех отрицательных сторон деспотического коммунизма (тирания, опека, несправность, подавление стимулов к труду и т.д.) без его положительных сторон (уничтожение неравенства, эксплуатации и т.д.)» [17, с. 443]. Достаточно перечитать труды В.И. Ленина в период перехода к НЭПу, чтобы убедиться в тождестве позиций великого естествоиспытателя и пролетарского вождя.

При проведении юбилея Вернадский сразу изменил позицию. Раньше он ругал народ. Теперь считал юбилей национально-народной оценкой научной работы и отражением связи ученых с народом. Но ведь на всем протяжении гражданской войны как раз народ крошил «интеллигузию»! Угодничество ученого перед властью бьет в глаза.

В период сталинского перелома (начало 1930-х гг.) Вернадский уверовал: «Будущее и власть в нем ... будет принадлежать людям науки... Впереди время науки – царство диктаторов-ученых» (с.601). Соединение науки с диктатурой – признак радикального политического мышления и практики (см.: [3]).

Вернадский поддерживал лозунг о преобразовании СССР в мировой научный центр. По мере превращения СССР в преемника идеологии Российской империи Сталин выступает в его дневниках как «настоящий государственный деятель». Вернадский одобрял сталинских палачей. Усматривал в их действиях не садизм, а моральную чистоту главы инквизиции Т.Торквемады. Теперь он боялся того, что внешние силы попытаются разрушить

коммунистическое русское по существу государство. В годы террора расцвела «научная империя» Вернадского: он числился в трех отделениях одновременно. В разгар репрессий (1938 г.) Вернадский пишет о созвучии идеи ноосферы научному социализму Маркса и Энгельса. И оценивает Октябрьскую революцию как геологическое событие, ознаменовавшее «начало перехода к государственному строю сознательного воплощения ноосферы» [17, с. 739–740].

В конце жизни Вернадский рассматривал советский режим как решающий этап в переходе от стихийной эволюции биосферы к ноосфере – рациональному устройству общества и его взаимоотношений с окружающей средой на базе научных представлений. Его взгляды, пишет Э.И. Колчинский, «...не слишком отличались от взглядов его западных коллег, усматривающих в науке основной источник социально-экономического прогресса» [17, с. 778].

Наконец, характерно мнение Вернадского о причинах перерождения власти: «Власть развратила верхушку коммунистов, которым теперь нет дела ни до каких идей» [17, с. 443]. Социолог П.А. Сорокин объяснял пренебрежение к идеям иначе: «Усиленная семитизация государственно-партийного аппарата резко изменила расово-этнографический состав «командующего класса» [17, с. 450]. Кто же больше деформирует идеи – власть или расы-этноты? На этот вопрос нет окончательного ответа. Но оба способа рассуждения держатся на молчаливой посылке: в период прихода к власти все ее представители отличаются высокой идейностью. Эта посылка ложная²⁴. Служебное отношение к идеям и теориям не ограничивается марксизмом и этносами. Оно характерно для всех групп претендентов на власть (в период борьбы за нее) и для властно-управленческого аппарата (после прихода к власти). Степень взаимосвязи в деятельности данных групп материальных, уголовных и властно-политических мотивов до сих пор представляет острую проблему, которая всегда стоит за спиной любого (государственного, институционального, группового) терроризма. Степень идейного истощения любого движения, партии, государства под влиянием внутренней борьбы за власть пока не изучена²⁵, зато с ее следствиями можно встретиться на каждом шагу.

Итак, позиция выдающегося ученого всегда зависела от изменения конъюнктуры, чтения модной публицистики и газет. Лучше бы он их не читал. Сциентистские (наука все наладит) и прочие иллюзии и тривиальные истины прикрывали политический оппортунизм и завершились апологетикой самого кровавого режима XX века. Примерно такой же была позиция И.П. Павлова, дискуссия вокруг наследия которого продолжается (см.: [2]). В.И. Вернадский остается «священной коровой». А русский космизм в 1990-е гг. приобрел ранг интеллектуальной моды. Между тем рецензируемый труд позволяет сформулировать гипотезу: русский космизм XIX–XX вв. (включая концепцию Вернадского) – это разновидность европейской натурфилософии XVII в. со всеми вытекающими из нее социально-политическими коннотациями, прекрасно описанными в первом разделе труда. Подобно европейской натурфилософии, русский космизм готовил мировоззренческую почву для перехода советской науки к английской колониально-имперской модели. Но одновременно выводил российское холопство перед властью из космоса. Думаю, объяснение космизма в контексте «служения государству» и истощения идей представляет интерес. Петербургские ученые заложили фундамент для поиска в этом направлении.

²⁴ Для доказательства ее ложности вначале приведу мнение представителя русской охранки: ««Мучеников» за марксистскую, как и за «эсеровскую», веру было, конечно, достаточно в истории русского революционного движения. Было, однако, и немалое количество бедняг, которым мученичество не улыбалось. Все эти последние и заполнили ряды секретных сотрудников охранных отделений». При этом большинство бандитских групп прикрывались «для революционного фасона» максималистскими требованиями разных политических партий. Для всех было характерно крайне поверхностное знакомство с разными «теориями» революционного учения. Оно их интересовало только как мотив очередного «экса» [11, с. 153–155]. Теперь послушаем английского историка: противник (он может быть как внутри, так и вне страны) обычно разжигает внутреннюю борьбу за власть ради истощения любого движения (см.: [10, с. 77]).

²⁵ Между прочим, современный институционализм (Д.Норт), методология социогуманитарного знания (И.Берлин), историческая социология (А.Хиршман) полагает идеи (убеждения) не менее конституирующими для социального бытия, чем материальные и властные интересы. Не власть и не этноты способствуют коррозии идей, а институты. В свою очередь, выведение идеологии из определенных этносов (как это делал Л.Гумилев и его эпигоны) затушевывает проблему.

Канун и следствия Второй Мировой войны

Накануне второй мировой войны советская система консолидировалась, а пролетарская наука стала советской. Научно-техническая элита дореволюционной России понесла громадные потери в годы гражданской войны, культурной революции, террора. Но осталась самым твердым сторонником ускоренной модернизации всех сфер общества. А большевики заменили идеи пролетарского интернационализма и классовой борьбы риторикой государственности, национализма, патриотизма. Эта риторика вписывалась в концепт осажденной крепости и одобрялась большинством интеллигенции.

Интеллектуальные нувориши были уже натасканы на марксизме. Следовали за мировосприятием государственных мужиков (по терминологии героев Ф.Абрамова). Те и другие отождествляли русскую национальную идею с превращением СССР в лидера «прогрессивного» человечества. Оправдывали необходимость единой централизованной партии, вождя и террора для мобилизации населения. Пропагандировали идею сакральности границы как барьера от враждебного влияния. Это означало разрыв международных контактов, запрет публикаций за рубежом, ограждение от тлетворного влияния Запада ради защиты своей культуры.

Элита старых ученых тоже заимствовала отношение партаппарата к иностранцам и не выступала против ксенофобии. Любой интерес к зарубежным публикациям вызывал подозрение. Оценивался как шпионаж или отсутствие советского патриотизма. В 1740-е гг. М.В. Ломоносов и другие борцы за «обрусение» науки выдвинули требование – печатать научные труды на русском языке. 200 лет спустя политическая конъюнктура позволила насильственно реализовать это требование.

В середине 1930-х гг. советская наука стала самодостаточной. Ее лидеры встроились в систему. Получали правительственную поддержку, и не нуждались в международном признании. Во всех отраслях знаний снижалась доля публикаций на иностранных языках: «Изолированность СССР и ее населения от западных стран стала способом консервации отсталости России, а власть использовала с максимальной эффективностью ненависть низших классов к дифференцированным формам социально-культурного и политико-экономического бытия» [17, с. 746–747].

Но среди партгосэлиты катастрофически снижалось число образованных людей. Она не могла отличить науку от ненауки. До 1934 г. Москва была захолустьем – здесь почти не было научных учреждений. Однако на выборах в АН 1932 г. вожди большевиков добились преобладания москвичей. Для контроля каждого шага АН власть перевела ее в Москву. Это перемещение соответствовало централизации всех сфер экономики и культуры, которая дополняла политическую и государственную централизацию. И попутно насильственно решала древний конфликт Москвы и Петербурга. Только после переезда АН провозглашается штабом советской, а Москва – центром мировой науки. АН превратилась в правительственное ведомство, имеющее власть и влияющее на государственную научную политику. «Переезд Академии наук означал окончательное торжество модели науки в рамках сталинской культуры. Маргинальная московская культура становится доминирующей, прежняя столичная культура – провинциальной» [17, с. 750].

Переезд АН в Москву – поворотный этап милитаризации советской науки. АН стала заниматься проблемами военной техники и ее внедрения в производство. Военная тематика укоренилась в академических планах. За финансирование АН платила потерей академических свобод, введением планирования и усилением бюрократического управления. Воспроизводство научной элиты шло под контролем партийных структур.

В 1936 г. в АН влили общественные дисциплины – от политэкономики до философии. Это окончательно перевело ее в статус конторы, обязанной разрабатывать научные принципы планирования всей социальной сферы. Научное сообщество стало номенклатурным сословием. Партийные органы контролировали все стадии вхождения в него – от поступления в аспирантуру до занятия высших должностей.

Отныне руководители АН стали главными посредниками между политическими вожжами и научным сообществом. Власть следила за идеологической и политической верноподданностью ведущих ученых (их связи с мировым сообществом, публикации в зарубежных журналах, связь с производством и пр.). И ради контроля начала ослаблять позиции научных авторитетов. Для этого в 1936–1937 гг. ЦК ВКП(б) и СНК СССР обязало вузы развернуть НИР, а каждого преподавателя - заниматься наукой. Почасовая оплата отменялась, вводились оклады профессорско-преподавательскому корпусу. Преподавателям предписывалось: состоять в штате только одного вуза; отдавать все силы и время лекциям и научным исследованиям. Иначе говоря, разрыв науки с преподаванием и возврат науки в вузы был принудительным и обслуживал интересы власти.

В 1935 г. на страницах первого номера журнала «Социалистическая реконструкция» физик М.П.Бронштейн «вскрыл буржуазную сущность» закона сохранения энергии и подчеркнул: при коммунизме можно построить вечный двигатель. Но не все были такими шროцами (в терминологии литовских евреев – пресмыкающимися). Лидеры физики осознавали государственную значимость своих исследований и отличались независимостью мышления. Для укрощения строптивых проведены научные сессии и совещания. Первая сессия (март 1936 г.) посвящалась физике. Она представлялась властям особенно важной как основа техники, индустриализации страны и милитаризации промышленности. На сессии развернулась критика директора ФТИ А.Ф.Иоффе за увлечение фундаментальной наукой, практическая отдача которой оставалась неясной²⁶.

Началась грызня среди физиков. Они натравливали власть на конкурентов. Впоследствии некоторых осудили за вредительство в изучении солнечного затмения. «Трагические события в советской науке инициировались членами самого научного сообщества и были вызваны конфликтами за лидерство в той или иной отрасли знания... Для начала борьбы с тем или иным конкурентом часто использовались жалобы студентов в партийные и комсомольские комитеты на непонятность лекций, высокомерие преподавателей. Далее в ход шли обвинения в шовинизме, национализме, антисоветской деятельности, а кончалось все признанием обвиняемых троцкистами, фашистами, шпионами, арестом и расстрелом» [17, с. 760].

Самые острые формы конфликты приняла в биологии. Здесь сложился советский стиль «научной полемики»: научные аспекты генетики и агробологии практически не затрагивались; главное внимание сосредоточивалось на надуманных политико-идеологических и практических аспектах проблемы; это давало повод обвинить противников в разного рода «преступлениях». Параллельно шел большой террор. За деньги и другие ресурсы ученые продавали свои знания правительству. Теряли право на свободу творчества и жизнь, расплачивались поломанными судьбами и жизнями родственников²⁷. Террор разрушил сложившуюся ранее систему личных связей петербургских биологов с партийной бюрократией. Открылась вакансия для московских физиков-математиков. И они воспользовались этим шансом.

Накануне Второй мировой войны сталинская наука воспроизвела главные свойства государевой российской науки XVIII – первой половины XIX вв. (казенная дисциплина лояльности, чиновничества, распекания, попреков, произнесения и выслушивания подобострастных речей, од и кантат). На смену «распеканиям и попрекам» пришли политико-идеологические проработки, завершившиеся арестом и гибелью «провинившихся». Но верноподданность глубоко укоренилась среди ученых, позволила советскому научному сообществу преобразоваться из интернационального в «национальное»: «Наука стала неотъемлемой частью государственной машины, разделяла ее цели и ценности. Это сказалось на языке и ритуале научных мероприятий (съездов, конференций, дискуссий), заимствованных... из партийной практики» [17, с. 775].

Итак, организационная структура советской науки базируется на идеях государствен-

²⁶ Характерно, что Иоффе потом выступал в защиту Бронштейна [17, с. 756, 774], хотя Э.И. Колчинский никак не комментирует этот факт.

²⁷ Неполный список репрессированных с октября 1917 г. по 1953 г. включает 45 академиков, 60 член-корреспондентов. Более половины из них расстреляны, убиты на допросах, умерли в лагерях, тюрьмах, ссылках: «Каждый шестой член Академии стал жертвой прямых репрессий со стороны карательных органов» [17, с. 771].

ности и государственного патриотизма, национальной исключительности, ксенофобии, иерархии, приоритета идеологии и политики. Наиболее убедительный пример реализации этих идей – развертывание работ по освоению атомной энергии в военных целях и становление атомной промышленности. Научное сообщество считало, что развитие науки в XX в. посылно только государству. Государство стало всевластным, всеобъемлющим и стремилось организовать науку по фабричному образцу²⁸.

Э.И. Колчинский указывает следующие причины лояльности ученых к советскому режиму: научные нувориши верили в социализм, который может исправлять собственные ошибки; старые ученые верили в возможность реализации творческого потенциала с сохранением чувства собственного достоинства, хотели отгородиться от реалий жизни и всеобщего морального разложения; те и другие одобряли возврат к имперской политике.

Накануне войны ученые отказались от самостоятельной роли в общественно-политической жизни и участия в определении государственной политики. Сложившаяся структура науки (академическая, вузовская, отраслевая) поддерживала высокий уровень исследований в отдельных областях. Но была неэффективна в разработке и внедрении новых технологий. Научное сообщество было разобщено, раздираемо ведомственными конфликтами. Усилились антагонизм и конкуренция: «Борьба за покровительство правящей элиты и финансово-материальные ресурсы нередко становилась причиной многих последующих партийно-правительственных постановлений, приводивших к разгрому целых отраслей науки и «укоротивших онтогенез» громадного количества советских ученых. Однако ущерб, нанесенный тоталитарной системой научному сообществу в те годы, стал сказываться значительно позднее» [17, с. 780].

Отставание в генетике, молекулярной биологии, биохимии, экологии – следствие вмешательства советской власти в решение научных проблем. Но вмешательство осуществлялось по инициативе самих ученых. Созданная структура максимально реализовала тенденцию, зародившуюся еще во время Первой мировой войны во всех промышленно развитых странах, – взять под жесткий контроль национальную экономику и обеспечить государственную поддержку науки, которая должна была обеспечить рациональное планирование. Поэтому «...ученые старались занять ведущую роль в обществе, что с неизбежностью порождало конфликты с правящей партийно-государственной элитой и лично с т. Сталиным, стремящимся к единоличной диктатуре. В условиях тоталитарного режима была невозможна реализация профессиональных интересов научного сообщества в полном объеме. Ученый должен был работать так, как ему приказывали, а не как ему хотелось... Жесточайшие репрессии заставляли ученых скрывать свои взгляды на происходящее, отделяясь публично ритуальными формами выражения солидарности и пытаясь воздействовать на научную политику письмами-обращениями в партийные органы» [17, с. 782]. Преуспел в этом П.А.Капица, выдвинувший идею: в СССР наука должна занять место патриарха.

Советская наука и война. Н.Л. Кременцов детально описал главный итог войны: ослабление власти партийных чиновников и повышение авторитета профессионалов. В 1930-е гг. партийные чиновники занимали должности в науке, во время войны ученые заняли должности в госаппарате. Большая часть новых партийных кадров не имела «идеологического» опыта предыдущего десятилетия. Считала автономию профессионалов нормой. Во время войны ученые заменили партийных идеологов и чиновников, стали экспертами, советниками правительства, получали военные звания. Почти все наркоматы и главки создали научные советы. Ряд ученых (И.П. Бардин, А.И. Берг, Б.Е. Веденеев, В.И. Парин, П.А. Капица и др.) стали замнаркоматами.

Указанные изменения послужили основанием институциональной, кадровой и исследовательской политики СССР, породившей комплекс современных социально-политических проблем российской науки.

²⁸ По словам Л.А. Арцимовича (здесь он эпигонски повторил слова Н. Бора, сказанные совершенно в другом контексте), по мере роста объема научных исследований развивается стремление ученых удовлетворять свое любопытство за счет общества, жить на ладони государства и согреться его дыханием. Но почему-то ни Бор, ни Арцимович, ни их эпигоны не учли констатацию Э. Гуссерля: ученый – это «чиновник человечества», которого государство обязано обеспечивать, поскольку никаких других средств трансляции светской интеллектуальной культуры не существует.

Институциональная политика сводилась к созданию множества НИИ во всех ведомствах. Это отражало совпадение интересов академической, партийной и государственной бюрократии. В 1930-е гг. ученые-администраторы усвоили «преимущества» централизованных академий – огромное финансирование и быстрое институциональное развитие. Авторитет ученых в правительственных кругах повысился. Президиумы академий стали фактически высшими государственными органами в сфере науки. Военное значение науки стало очевидным. Под эгидой министерств обороны, внутренних дел, госбезопасности созданы многочисленные «шарашки» и номерные институты. Они занимались разными видами вооружений, используя труд заключенных как основную рабочую силу. Наиболее яркий пример – советский ядерный проект. Возможно, аналогичные исследовательские институты были созданы для работ над другими стратегически важными проблемами (ракеты, микробиологическое и химическое оружие)²⁹. «К сожалению, – пишет коллега, – точной информацией о числе, профиле и расположении подобных научных институтов мы до сих пор не располагаем» [17, с. 790].

Кадровая политика во время войны и первые послевоенные годы отражала рост авторитета науки. Система номенклатуры действовала по-прежнему: отделы кадров обкомов и ЦК влияли на принятие кадровых решений в научных институтах; но назначения на ответственные должности в науке следовали рекомендациям президиумов академий. На эти должности назначались представители дореволюционного поколения в возрасте 50-60 лет. Они накопили опыт взаимодействия с партбюрократией. Умело использовали советскую риторику, подчеркивая научное значение исследований. Во время войны ученые-администраторы этого поколения поднялись на вершины власти в науке. Сохранили контакты с высшими чиновниками и влияли на научную политику в последующие годы.

Исследовательская политика состояла в том, что верхушка АН определяла главные направления научной политики. Все ее просьбы (увеличение объема и тиража научных изданий, организация новых институтов и журналов, постройка дач и увеличение пенсий для академиков) удовлетворялись. Развитие науки приобретало стратегическое значение в советской политике.

Во время войны произошло также кратковременное разрушение изоляции советской науки. Правительство использовало международные контакты ученых для просоветской пропаганды на Западе. Возрождена концепция «единой мировой науки» взамен концепции «двух наук» (советской и западной, буржуазной и пролетарской), которая господствовала в 1930-е гг.

Однако материальные плоды победы состояли в том, что наука окончательно отделялась от народа. Полстраны лежало в руинах, население голодало. А зарплата доктора наук (зав. лабораторией в АН) превышала вдвое зарплату чиновника аппарата ЦК. Продолжала действовать пайковая система. Академики и член-корреспонденты пользовались спецстоловыми обкомов и горкомов партии, больницами и санаториями ЦК и Совмина. Верхушка научной бюрократии стала частью государственной элиты. Поэтому партийные чиновники начали «мигрировать» в науку и делать «научную» карьеру.

Ситуация начала меняться под воздействием довоенной дискуссии между генетиками и агробиологами. Обе группы использовали прежние аргументы. Но советские генетики искусно сыграли на изменении внешней политики, чтобы сдвинуть «баланс сил» в свою пользу: «Добиваясь поддержки партаппарата в восстановлении своих позиций, они с успехом использовали модные лозунги того времени: «за международный престиж советской науки», «догнать и перегнать западную науку», «равняться на достижения науки за границей» и тому подобные. С 1945 по середину 1947 г. «второй фронт» в советской генетике оказался весьма действенным. Используя поддержку западных коллег, генетики сумели укрепить свой авторитет в партаппарате и свои институциональные позиции» [17, с. 816–817].

Общий итог сотрудничества ученых и власти во время войны состоял в следующем: научная деятельность становилась престижной и высокооплачиваемой; это привлекало в

²⁹ Подобно японским, советские ученые разрабатывали биологическое оружие. В Германии не велись работы над биологическим оружием. Не только генералы, но и Гитлер был против этого.

науку бездарей и карьеристов³⁰; наука становилась предметом повседневного внимания партийно-государственной бюрократии; научно-организационные проблемы решались на вершине иерархии; бюрократия все чаще придавала научным проблемам геополитическое значение. Вскоре выяснилось: «... столь пристальное внимание властей было чревато новыми бедами для науки» [17, с. 823].

Наука и холодная война. После войны все страны столкнулись с проблемой: как наладить сотрудничество науки, власти и промышленности в условиях противостояния двух военно-политических блоков? В период холодной войны партаппарат пытался установить жесткий идеологический и административный контроль над научным сообществом. Однако институциональные изменения науки в период войны и стратегическое значение научных исследований позволяли академической бюрократии противодействовать намерениям партаппарата.

При реализации военных проектов сложилась связь ученых с военными, политиками, чекистами и инженерами. Появление закрытых городов создали базис для установления новых типов взаимодействия науки, власти, политики и идеологии. Часть научного сообщества питалась иллюзией независимости от властных структур. Но в целом советское научное сообщество представляло симбиоз чистой науки и ВПК. Безразличие ученых к народу сказалось в том, что АН так и не смогла выполнить свое обещание - накормить народ путем синтеза искусственного белка [17, с. 826].

В контексте этой связи на пороге холодной войны сложился феномен «ждановщины» – травли неудобных режиму деятелей культуры. Вначале кампания адресовалась «мастерам культуры» и не влияла на научное сообщество. Затем кампания затронула медицину³¹. Научные деятели добровольно усвоили риторику кампании и стали ее использовать в речах и публикациях. Началась кампания борьбы «за советский патриотизм», возрождена концепция пролетарской и капиталистической наук. Кампания создала новый вид риторики как инструмента институциональной борьбы: «Различные группы, конкурировавшие за благосклонность государственных и партийных органов, немедленно начали эксплуатировать эту риторику в целях дискредитации их оппонентов и укрепления собственных позиций в глазах бюрократии» [17, с. 846]. Конкурирующие группы во всех дисциплинах начали писать в инстанции о своем приоритете и патриотизме.

В книге детально описаны хронологические, содержательные, властно-бюрократические, риторические, символические перипетии групповой борьбы между генетиками и агробиологами. На этой основе возродилась конфронтация советской и западной науки. Был проведен ряд научных сессий и собраний, оказавших влияние на ситуацию в разных научных дисциплинах. Физики МГУ и тут преуспели – выдумали мичуринскую физику.

Н.Л. Кременцов констатирует: «Судьба отдельных дисциплин в большой степени определялась общими структурными и функциональными характеристиками советской системы организации науки, принципами ее функционирования и ее «физиологическими» механизмами. Характерные признаки этой системы – слияние верхушки научного сообщества с аппаратом контроля над наукой; подчинение научной политики приоритетам госпартаппарата; централизованная иерархическая структура научных учреждений; конкуренция между отдельными группами внутри дисциплины; жесткий административный контроль над планами научных исследований, институциональной структурой, назначением на должности и международными связями; высокий общественный престиж науки и многочисленные привилегии для ученых; жизненно важное значение партийной риторики для «перевода» интересов научного сообщества на язык, понятный партбюрократии» [17, с. 906].

В советской системе научные дисциплины отличались друг от друга по следующим критериям: значение для партаппарата; представительство в академиях; число учреж-

³⁰ Именно тогда родилась знаменитая фраза: «Ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан».

³¹ В период войны складывалось международное сотрудничество в онкологии. Советские ученые Н.Г. Ключева и Г.И. Роскин изобрели средство против рака. Им заинтересовались американцы, но Политбюро хотело сохранить монополию на «волшебное лекарство». Над изобретателями состоялся суд чести. В закрытом письме ЦК говорилось: некоторая часть советской интеллигенции раболепствует перед западной наукой; Ключева и Роскин лишили советскую науку приоритета в открытии; нанесли ущерб государственным интересам СССР.

дений; степень централизации, фрагментации, интенсивности групповой конкуренции; широта международных контактов; способность выдвигать из своих рядов людей, представляющих их интересы в партаппарате; степень перевода научных интересов на партийный «новояз».

Все эти различия отразились в развитии отдельных научных дисциплин вплоть до настоящего времени. Холодная война придала советской организации науки ее окончательную форму. «Если бы не атомное, а биологическое оружие стало объектом гонки вооружений, биология, а не физика скорее всего стала бы доминирующей наукой послевоенного десятилетия со всеми вытекающими отсюда институциональными последствиями» [17, с. 907]. Без конкуренции сверхдержав американская и советская большая наука не достигли бы гигантских размеров. Обе системы развивались синхронно и взаимозависимо.

Возврат к началу

В целом Россия – лакмусовая бумага для показа прямой зависимости науки от власти. Это проявилось в истории Петербургской АН, созданной Петром 1 в стране, где не было науки, гимназий и университетов. Поэтому развитие науки было невозможно без постоянной поддержки государства. Дореволюционная Россия – пример одновременной плодотворности и пагубности сотрудничества науки и власти в условиях абсолютизма. Тогда как идеология личности советской науки обусловила вмешательство партгосаппарата в организацию и функционирование научного сообщества. Более 60 лет АН не конфликтовала с властью. Но она «...представляла собой удивительную амальгаму, где соотношение дореволюционных структур и уровень партийности, внешне контролируемых властями, фактически были результатом негласной договоренности между выдающимися учеными и ставленниками властей» [17, с. 664].

Таким образом, российско-советская модель этатизации науки угрожает науке и государству: «Иерархическая, централизованная и монополизированная система советской науки вообще и Академии наук в частности порождала бешеную конкуренцию и беспощадное столкновение научных групп в борьбе за ключевые позиции в системе. Лысенковщина, как и все последовавшие политические кампании 1940-х гг., была результатом борьбы за власть в науке, в которой почти с неизбежностью терпела поражение сама наука. Последствия оказывались тяжелыми потому, что в системе практически не было «резерваций» для выживания идей и ученых, не согласных с признанными теориями, – система была в существенной степени иерархична, однородна и прозрачна для политического контроля. Выходом из этого организационного тупика становилось экстенсивное развитие науки: умножение числа научных институтов и беспрецедентный рост научных кадров. Расширение географии научных учреждений, создание баз и филиалов создавали условия для миграции «научных диссидентов» и их выживания вдали от сотрясавших столицы политических кампаний. Но подобный выход, как правило, был временным, так как карательные органы были вовлечены в конкуренцию в научном сообществе и помогали выискивать и наказывать носителей научной ереси» [17, с. 767–768].

В Послесловии Э.И. Колчинский отмечает: наука страдает без помощи государства, но гибнет в его объятиях. В периоды революции новая власть реформирует науку следующими способами: избавляется от неудобных и привлекает на свою сторону ученых, которые нужны по политическим и практическим соображениям; воспитывает социально близких ученых; сокращает (разгоняет) неудобные и создает новые институты; формирует «идеологически корректную» науку, отличающуюся от мировой. При таких условиях многие ученые стараются перебежать из одной страны в другую.

Власть особенно податлива на обещания ученых создать новые технологии и оружие, обеспечить захват и освоение новых территорий, рост военного могущества, международного влияния, финансово-экономическое процветание, разрешение социально-политических конфликтов, успокоение общества. Поскольку ученые выполняют эти задачи, они становятся государственными холопами. Поэтому в настоящее время крайне обострилась

проблема: почему даже первоклассные ученые охотно сотрудничали с тоталитарными режимами и поддерживали псевдонаучные процессы?

Универсального ответа на вопрос нет. Вместо ответа Э.И. Колчинский предлагает заменить понятие тоталитаризма концептом модернизации: ученые сотрудничают с любыми режимами ради модернизации. В демократических странах ученые тоже подвергаются идеологическому и политическому давлению³². Во всех странах наука стала частью ВПК.

В конечном счете научная политика государства и поведение научного сообщества определяются технократией и утилитарными соображениями. Институциональные инновации – ответ на профессиональное, экономическое и политическое давление. Но социальные факторы никогда не играли ведущей роли в определении содержания научных исследований. Даже крайне идеологизированная эволюционная теория развивалась одинаково при социализме, фашизме и либерализме. Фактически ученые при любых режимах служат власти. Поэтому нет различия в поведении ученых при коммунизме, фашизме, либерализме – таков вердикт неевских ученых [17, с. 998–1000].

Как донской коллега предлагаю иные предметы раздумья. Если использовать Д. Лоуэн-тала, советское прошлое еще не стало реликтом и не превратилось в «чужую страну» (см.: [6]). Капитальный труд содержит громадный материал для вывода: советская организация науки – это практическое воплощение революционно-бюрократической (Франция) и колониально-имперской (Англия) модели в процессе воспроизводства самодержавно-бюрократической (Россия) модели отношения между наукой и властью в условиях советской власти. Все элементы этих моделей являются фоном сегодняшних дискуссий, актуальными политическими и теоретическими проблемами для модификации научной политики.

Бегло укажу некоторые: политизация научных дискуссий; пересмотр всех научных теорий на предмет их соответствия идеологии; культивирование предательства среди научной молодежи и шпионажа среди всего научного сообщества; выполнение чужих замыслов и появление научных вождей; культивирование изоляционизма и ксенофобии с помощью историографии; концепт осажденной крепости (идеи государственности, государственного патриотизма, национализма, самодостаточности, милитаризации науки); потеря права на свободу творчества; окончательное отделение науки от народа и превращение ее в часть государственной машины. Можно ли изменить сложившиеся поведенческие и психологические стереотипы ученых?

Авторы обозначили пункты возможных теоретических и политических дебатов. Например, в литературе господствует пиетет перед генетикой и обвинение власти за её разгром (см.: [1])³³. Э.И. Колчинский формулирует противоположный вывод: научное сообщество генетиков и биологов первым способствовало политизации биологических дискуссий и использовало изменение конъюнктуры в период войны ради усиления своих позиций в государственной машине. Еще неизвестно, какое бы оружие изобрели генетики, если бы их выпустили из клетки. Тот факт, что военные помогли уцелеть кибернетике – двусмысленный комплимент «кибениматикам» (так мой друг соединяет кибернетиков с математиками). Отсюда не следует, что я призываю реабилитировать Трофима Денисовича Лысенко. Как говорила моя первая учительница (а она закончила дореволюционную гимназию) – «обое рябое». С точки зрения социальной истории науки генетики стоят мичуринцев и наоборот. Этот вывод противоречит целой тенденции издательской политики, книжного рынка и научных исследований. Я имею в виду романы Д. Гранина, воспоминания Тимофеева-Ресовского, книжки В. Сойфера, трактаты академиков Дубинина и Кудрявцева и пр. Есть повод подискутировать.

Давно известно также неокантианское различие на науки о природе и науки о культуре. Значительно важнее его социально-политическая коннотация: раскол научного

³² С этой точки зрения нет различия между СССР, Германией и США. Биологическое сообщество Германии приняло основные элементы идеологии нацизма: народность, расизм, антисемитизм, милитаризм, пангерманизм, вождизм. Люди интеллектуальных профессий в НСДАП превосходили все остальные социальные группы. Среди биологов в НСДАП состояло 57,6, в СА – 22,5, в СС – 5,6%. Накануне краха СССР более 70% членов АН состояло в компартии. «Дело Оппенгеймера» не удержало ученых США от обслуживания военных ведомств.

³³ Привожу эту книгу из-за ее симптоматичности: академик обвиняет власть за репрессии генетики, кибернетики и пр.; но одновременно стремится снять с себя вину за участие в атомном проекте.

сообщества на естественников и гуманитариев объясняется конкуренцией указанных групп за покровительство власти и господствующее положение в системе организации науки. При этом надо учитывать: после переезда АН в Москву провинциальная московская культура стала доминирующей; раскол между академией наук и вузами, центром и провинцией, Петроградом и Москвой способствовал воспроизводству указанной конкуренции. Сюда же примыкает проблема зарубежного научного провинциализма. Если оценивать политический строй с точки зрения интересов ученых и в контексте социальной истории науки – различие между научной эмиграцией и оставшимися в СССР учеными относительно.

Зато практика написания научными руководителями дипломов и диссертаций студентам и прочим клиентам из властных структур, похоже, становится универсальной. В последние годы она стала теневым заработком. Но ее корни вполне советские и даже чекистские, поскольку формировались на вершине власти³⁴. Сколько блатных кандидатов, докторов и академиков бродит сегодня по отечественным и закордонным научным и административно-политическим учреждениям? – такой статистики я еще не встречал. Значит, вслед за социальной историей не мешает написать уголовную историю советской науки. Кто бы за это взялся, с учетом того, что у многих представителей юридического сословия тоже «рыло в пуху»?

Заслуживает обсуждения феномен негласного договора между властью и руководителями научного сообщества, становление социальной фигуры научного администратора как посредника между наукой и властью и проблема создания научных резерваций. Здесь тоже открывается поле для анализа указанных феноменов и их влияния на современную российскую науку.

Террор вначале разрушил систему личных связей между биологами и властью, а вторая мировая война установила систему личных связей между физиками-математиками и различными элементами ВПК. Разрушается ли эта система после 1985 г.? В книге показано, что геополитика – продукт альянса советской и германской науки и власти. А в последнее десятилетие геополитика стала интеллектуально-политической модой. Здесь подвизаются все, кому не лень – от историков и географов до математиков типа академика Фоменко и его соавтора (фамилии не помню). Не является ли это свидетельством переплетения всех описанных моделей взаимодействия науки с властью в современной России? Видимо, надо изучать эти трансформации.

Тезис о тождестве советской и нацистской политики в области науки требует переосмысления, поскольку произведен от популярного штампа английской журналистики рубежа 1920–1930-х гг. о сходстве коммунизма и нацизма (см.: [7, с. 257–266]). Например, Гитлер считал, что наука (как естествознание, так и философско-гуманитарные исследования) должна быть свободна от государства³⁵. Ничего подобного в текстах Ленина,

³⁴ Приведу лишь одно свидетельство. Сын Л.П. Берия Серго Берия работал в КБ «Алмаз» (структура ВПК), которое находилось в Москве недалеко от станции метро «Сокол». Защитил кандидатскую и докторскую диссертации, получил звание полковника и орден Ленина в возрасте 28 лет. Отец его поддерживал. А на следствии выяснилось: «Вопрос: Расскажите, кто составлял для вас диссертации, за защиту которых вам были присвоены кандидатская, а затем докторская ученые степени? Ответ: О том, что диссертации мне составляются теоретическим отделом СБ-1, знали зам.министра вооружения Рябиков Василий Михайлович, впоследствии начальник 3 главного управления, и Щукин Александр Николаевич – зам.председателя радиолокационного комитета, впоследствии зам. начальника 3 Главного управления. Академик Минц – оппонент по докторской диссертации – знал, что диссертация готовилась в теоретическом отделе СБ-1. Оппонентом также был и Щукин А.Н. – академик. Вопрос: Следовательно, вы защитили кандидатскую, а затем докторскую диссертации, используя труд коллектива работников теоретического отдела СБ-1, присвоили труд последних. Были ли ранее использованы вами при составлении дипломного проекта, который вы защитили в 1947 году, материалы, составленные Корневым Г.В., в то время заключенным при 4 спецотделе МВД СССР? Ответ: Я не могу вспомнить, передавал ли мне Кравченко материалы, над которыми работал Корнев. Однако эти материалы не были полностью использованы в моем дипломном проекте. Допускаю возможность, что к дипломному проекту был приложен рисунок из материалов Корнева... По вопросу подготовки диссертации я поступил неправильно» [20, с. 53, 57–58].

³⁵ Приведу лишь один пассаж: «Исследовательская работа должна оставаться свободной и освобожденной от каких-либо ограничений со стороны государства. Факты, которые она устанавливает, представляют истину, а истина никогда не бывает злом. Долг государства – оказывать поддержку и содействовать во всех отношениях усилиям в исследованиях, даже если эти работы не обещают немедленных или даже ранних выгод с материальной или экономической точки зрения. Вполне может случиться так, что эти результаты будут ценны или дадут гигантский прогресс только в будущем поколении... Человек-исследователь по природе должен быть крайне осторожен; он

Сталина, Хрущева, Брежнева, Андропова, Черненко, Горбачева и их постсоветских наследников обнаружить нельзя. Отсюда не вытекает оправдание Гитлера. А только слабая эвристичность шаблона о тождестве коммунизма и нацизма.

То же самое относится к концептам тоталитаризма и модернизации при объяснении социальной истории советской науки. Авторы считают, что введение единой идеологии и философии в СССР – главная причина всех последующих коллизий в отношениях между наукой и властью. В ранее опубликованных исследованиях я показал непродуктивность данных концептов при анализе истории советского общества. И обосновал другой тезис: не идеология (поскольку в этом случае воспроизводится неявная посылка о служебном характере любых идей), а связь власти и собственности – конституирующий фактор социальной истории досоветской, советской и постсоветской России, объясняющий все ее драмы и трагедии (см.: [9]). Вся идейно-политическая палитра современной России и зарубежных стран уклоняется от обсуждения этой проблемы. Вот о чем стоит поразмыслить. Между тем авторы приходят к выводу: наука развивается одинаково при разных политических режимах. Этот вывод противоречит посылке о существовании науки между коммунизмом, национализмом и либерализмом. С данной посылкой связан ряд следствий (соотношение профессиональной и политической свободы ученых, синхронность и взаимозависимость развития американской и советской науки, специфика ученых наемников и перебежчиков). Они дискуссии. Я их обсуждать не буду. Но от ремарки не удержусь.

Э.И. Колчинский пишет: «Если самый боевой и талантливый генерал, не поддержанный своим правительством, не нужен никому, то выдающийся ученый чаще всего находит поддержку в других странах» [17, с. 992]. Это сентенция не подтверждается историческим опытом. Боевые генералы нужны всем правительствам. Как мамлюки и казаки. Им все равно, кому служить – Москве, туркам или персам. В гражданской войне А.И. Деникин заметил: казаки всегда готовы воспользоваться подачками как белых, так и красных. Н. Махно констатировал: «Донцы – большое дубье в смысле общественности» [13, с. 137] (т.е. отличаются абсолютным безразличием к политике с одновременным боевым профессионализмом). Примерно так же вело себя в гражданской войне большинство ученых. Не вытекает ли отсюда, что социальная история русских ученых может быть сопоставлена с социальной историей казачества? Такая гипотеза позволяет дополнить прежний вывод: ученый всегда стоит перед выбором – быть холопом или казаком. Что лучше или хуже? И как быть с одним из заключительных положений книги: политическая свобода ученым не нужна? Зачислять в станичники ученых французов, англичан и американцев? Или поинтересоваться их мнением на этот счет?

Вернусь к проблеме: почему ученые поддерживали деспотические режимы? В книге содержится материал для ответа: по причине этатизации науки, которая (этатизация) базируется на взаимосвязи науки с военно-промышленным комплексом. Эта взаимосвязь распадается на коллаборационизм (т.е. сотрудничество с властью) и сопротивление³⁶. М.И. Семиряга подсчитал: число коллаборационистов в странах Европы в период второй мировой войны было примерно таким же, как и число участников Сопротивления. По численности коллаборационистов СССР – чемпион Европы. Особенно податливы на коллаборационизм интеллигенция, промышленные круги, криминальные элементы, авантюристы и карьеристы любой страны. Все они обычно выступают в защиту «профессионализма», который маскирует бытовую, административный, экономический и военно-политический коллаборационизм. Только последний вид коллаборационизма можно квалифицировать как измену родине. При этом важно учитывать различие намерений конкретных граждан

никогда не прекращает работать, размышлять, взвешивать и сомневаться, и его подозрительная натура порождает в нем склонность к одиночеству и самой решительной самокритике... Я не согласен с идеей необходимости ограничить свободу исследований только областями естествознания. Изыскания должны также охватывать сферу мышления и философии, которые, по сути, сами по себе всего лишь логическое продолжение научных исследований. Принимая данные, предоставленные наукой, и помещая их под микроскоп разума, философия дает нам логическую концепцию вселенной, каковой она является. Граница между исследованиями и философией расплывчата и постоянно перемещается» [21, с. 650–651].

³⁶ Современный смысл ему был придан на встрече Гитлера и Ф. Петена в 1940 г., когда стороны провозгласили коллаборационизм в качестве политического принципа своих взаимоотношений.

(неприятие существующего в стране политического строя) и следствий измены родине. Главное основание коллаборационизма – степень справедливости данного общественного строя: «Ликвидировать коллаборационизм или, по крайней мере, свести его к минимуму можно лишь при условии, если воин будет считать общественный строй в своей стране справедливым, а его защиту рассматривать как свой первостепенный долг. Это первое условие для устранения коллаборационизма целиком зависит от господствующих политических сил в данной стране» [18, с. 10]. Предпосылки коллаборационизма складываются внутри, а не вне страны.

Одновременно К.Шлегель показал, как главные партийные и государственные структуры СССР и Германии (Коминтерн, дипломатия, разведка, армия) и политико-идеологические ориентации (подпольная деятельность, публицистика, журналистика, геополитика, историческая наука) в период между первой и второй мировыми войнами накапливали потенциал и формировали «ландштафт предательства» (см.: [23]). История советской науки показывает: изменить родине можно, не выходя за пределы Садового кольца...

На протяжении XX в. опасность войны и связанная с ней структура экономических, социальных, политических и идеологических отношений и институтов пронизала все страны Европы. В этой ситуации большинство российских/советских ученых пошли на сотрудничество с властью, уничтожившей свое население не меньше, чем в войнах с внешним врагом³⁷. Поэтому правительства СССР и других социалистических стран были чужими по отношению к своему населению. Наука усиливала эти правительства. Значит, ее судьба сопоставима с судьбой Русской православной церкви, для которой коллаборационизм – самый привычный способ поведения (см.: [15]). Проблема смещается к классификации видов коллаборационизма и сопротивления в научном сообществе. В рецензируемой книге собран материал, который может быть использован при построении такой классификации. Например, если вслед за Э. Нольте считать войну 1939–1945 гг. не второй мировой, а европейской гражданской войной, то весь материал о поведении ученых в период гражданской войны в России и до завершения холодной войны приобретает совершенно новое и актуальное звучание, которое выходит за рамки избитого противопоставления тоталитаризма и модернизации³⁸.

Комплекс «служения государству» непосредственно связан с настоящим моментом. Главным в предшествующей истории было разрушение: «Фактически, на протяжении человеческой истории случилась колоссальная потеря приобретенного опыта и знаний» [16, с. 19]. Наука участвовала в разрушении. Значит, все модели организации науки (колониально-имперская, революционно-бюрократическая, самодержавно-бюрократическая) порождают одну и ту же проблему. В России ситуация обостряется: ни дореволюционный, ни советский опыт, ни заимствование закордонных моделей не помогут в ее решении.

Может быть, вернуться к публичному (а не цеховому) обсуждению концепции П. Фейерабенда: науку (вслед за религией) надо отделить от государства? Даже классическое требование отделить религию от государства встречает жесткое сопротивление современных православных иерархов. Что же тогда говорить о научных архиереях? Однако социальная история науки позволяет уточнить П. Фейерабенда. Сами политические цели науки (обещания ученых создать новые технологии и оружие, обеспечить захват и освоение территорий, рост военного могущества, международного влияния, финансово-экономическое процветание, разрешение социально-политических конфликтов) относятся к научно-политической риторике. Она устарела (могу привести множество примеров), не подтверждается эмпирически (многочисленные институты мира и разрешения конфликтов нисколько не уменьшили число конфликтов во второй половине XX века) и требует пересмотра.

По принципу контраста с советской наукой и использования идей М.К. Петрова (который отстаивал принципиальную противоположность науки и политики, познания и управления) нетрудно построить идеальный тип научной политики: разорвать связь верхушки

³⁷ В СССР было уничтожено 20 млн., в Китае 65 млн., в Северной Корее 2 млн., во Вьетнаме 1 млн., в Камбодже 2 млн., в Восточной Европе 1 млн., в Латинской Америке 150 тыс., в Африке 1,7 млн., в Афганистане 1,5 млн., в мировом коммунистическом движении 10 тыс. человек (см.: [4, с. 37]).

³⁸ Кстати сказать, авторы почему-то обошли острую дискуссию среди германских историков на эту тему.

научного сообщества с аппаратом контроля над наукой; исключить подчинение научной политики приоритетам государственного аппарата; исключить централизм и иерархию в научных учреждениях; конкуренцию групп внутри научных дисциплин заменить сотрудничеством; исключить административный контроль над планами научных исследований, институциональной структурой, назначением на должности и международными связями; исключить все перечисленные виды риторики при взаимодействии научного сообщества и власти; общественный престиж науки и привилегии ученых могут устанавливаться только на основе многообразия видов равенства (см.: [8]). По сути дела, речь идет о восстановлении всей системы разрушенных социальных связей науки с обществом. Прежде всего – о долгом прощании с советской системой³⁹.

Как это сделать? Как разорвать связь науки с военно-промышленным комплексом? Ведь целые поколения и отряды современных российских и закордонных ученых воспитаны в другой парадигме. А вся система научных и политических институтов современной России устроена совсем не для снижения «цены убеждений» (если использовать метафору Д. Норта). Я не Ленин. Не дам ответ на вопросы. Положение петербургских коллег лучше. Они слушают призыв: «Даёшь империю!». Теперь его кидает в народную гущу Питерский губернатор – бывшая комсомольская дама из Шепетовки. Это дает дополнительный стимул для развития сформулированных в книге идей. Но тысячестраничный фолиант даже один раз прочесть трудновато. А здесь требуется многократные штудии. Значит, идеи надо экспроприировать – превратить их в Библию светской культуры и преподавать в школах вместо Основ православной культуры, предлагаемых усердными не по разуму чиновниками из Минобразования и всегда готовыми им услужить культурологами.

Возникает когнитивная задача – использование авторской концепции для анализа современной российской науки. В том числе сходства и различия социальной истории русского православия и русской науки – от математики до философии. Кстати, этот сюжет совершенно не рассматривается в капитальном двухтомнике петербургского историка (см.: [14]). Надо описать политико-административные и идеологические группировки, роль геронтократии, современные формы проявления конфликта научных школ Москвы и Петербурга, центра и провинции, научно-административные клики, кланы и команды во всем комплексе научных дисциплин, формы воспроизводства «вотчинной системы» в науке и образовании России. Это поможет уточнить тезис о соотношении профессиональной и политической свободы в современном научном сообществе.

В заключение приятно отметить, что все мои идеи о государственном аппарате, специфике дискуссий 1920-х гг. и послевоенных дискуссий, особенностях власти и государственной службы в России, бюрократизации науки и пр. (высказанные 20 и более лет назад) нашли в книге документальное и фактическое подтверждение. Теперь кто-то должен заняться поиском фальсифицирующих примеров, поскольку без них всякая теория не может претендовать на полноту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гинзбург В.Л. О науке, о себе и о других. М.: Физматлит, 2004.
2. И.П.Павлов: pro et contra. СПб.: Изд. Русского Христианского гуманитарного института, 1999.
3. Игнатъев А.А. Ценности науки и традиционное общество: социокультурные предпосылки радикального политического дискурса // Вопросы философии. 1991. № 4.
4. Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж.-Л. Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии. М., 1999.
5. Левинсон А. Опыт социогрaфии. Статьи. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
6. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб.: Владимир Даль, 2004.

³⁹ Приведу один пример. В СССР доступ к «кремлевской вертушке» означал политическую силу, социальный престиж и материальное процветание. Сегодня мобильник – элемент быта. На фоне каждого телефонного болтуна маячит советский чиновник со всеми его социальными конотациями. Но институты производства и рекламы всяких «телекомов» обходят это «бревно в глазу». Значит, переплетение рынка с советским наследством обеспечивает воспроизводство технократического и утилитарного видения мира в сфере, так сказать, интимной свободы потребления и болтовни, а не только высоких сфер научной политики.

7. Макаренко В.П. Политическая концептология: обзор повестки дня. М.: Праксис, 2005.
8. Макаренко В.П. Равенство: логико-методологический анализ // Общество и экономика. 2003. № 11.
9. Макаренко В.П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1998.
10. Маккензи У. Секретная история УСО: управление специальных операций в 1940–1945 гг. М.: Транзиткнига, 2004.
11. Мартынов А.П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
12. Маршакова-Шайкевич И.В. Анализ вклада России в развитие социальных и гуманитарных наук // Вопросы философии. 2000. № 8.
13. Махно Н. Азбука анархиста. М.: Вагриус, 2005.
14. Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1–2. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999–2000.
15. Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
16. Морен Э. Принципы познания сложного в науке XXI века // Вызов познанию: стратегии развития науки в современном мире. М.: Наука, 2004.
17. Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. Редактор-составитель Э.И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
18. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000.
19. Скоропадский П. Воспоминания: конец 1917 – декабрь 1918. Киев-Филадельфия, 1995.
20. Сухомлинов А. Кто вы, Лаврентий Берия? Неизвестные страницы уголовного дела. М.: Детектив-Пресс, 2004.
21. Февор-Ропер Х. Застольные беседы Гитлера. 1941–1944. М.: Центрполиграф, 2004.
22. Хелли Р. Холопство в России. 1450–1725. М., 1998.
23. Шлегель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в германии между двумя войнами (1919–1945). М.: Новое литературное обозрение, 2004.
24. Юдин Б.Г. История советской науки как процесс вторичной институционализации // Философские исследования. 1993. № 1.